

Конец классического века

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ, доцент Литературного института им. Горького, кандидат филологических наук

ХІХ век остался в истории временем расцвета российской культуры. Подобно классической Греции русский ХІХ век можно считать классическим временем великих писателей и просветителей.

На заре ХХ века у России уже была своя литературная классика и своя научная школа. На этом фундаменте взошли новые имена, достойно представившие Россию в разных областях знания. Они были детьми российского Просвещения, наследовавшими петровскому поколению, поколению екатерининских орлов, поколениям Пушкина и Гоголя, Тургенева и Некрасова. В последние десятилетия существования Российской империи в науке и искусстве появилось немало имён мирового значения. На страницах Журнала Министерства Народного Просвещения публиковались труды корифеев мировой науки, труды, ныне общепризнанные классическими. Наш рассказ будет посвящён героям Журнала ХХ века — его авторам и редакторам. Тем, кто остался в истории российской культуры навсегда.

1

Для начала определим сущность интересующих нас десятилетий в широком социальном контексте. Само слово «просвещение» выходило из моды. К этому времени Лев Николаевич Толстой успел разочароваться в возможностях школы, в эффективности образования. Всё это уже казалось ему земной тщетой, как и литература, и искусство... Отныне он занимался проблемами бытия, трактуя их всё в более широком смысле, и борьбой с церковью и государством за свои, толстовские, идеалы, среди которых просвещению уже не находилось места. Теперь и Льва Николаевича Толстого, и молодёжь нашу больше занимали пути быстрого, революционного выхода из ситуации, казавшейся критической. Остановить войну, прекратить кровопролитие? Значит, нужно, чтобы каждый солдат бросил своё оружие и вернулся домой, к пашням. Бороться с классовым неравенством? Эффективное и кровавое решение этого вопроса предлагали террористы. Толстовство и терроризм — вот два понятия, по которым весь мир судил о России начала ХХ века. Эти явления были в моде. Проповедь, призыв к неповиновению или к прямому восстанию — вот что пришло на смену призывам просвещаться. Заметим, что так продолжалось вплоть до счастливо растиражированного ленинского «Учиться, учиться и учиться!...». Просветители уже не были героями своего времени, но они и при уменьшении общественного резонанса продолжали свою работу.

2

В новый век Журнал вошёл с редактором Эрнестом Леопольдовичем Радловым (1854–1928). В Министерстве народного просвещения после покушения на Николая Павловича Боголепова капитанский мостик занимали многие. Министерская чехарда, метко прозванная журналистами «отстрелом министров», формировала нестабильную ситуацию в разных сферах управления. Прежний редактор Журнала — А.И. Георгиевский — продолжал играть существенную роль в работе органа Министерства народного просвещения. Его работы публиковались в Журнале.

Один из последних российских министров народного просвещения граф И.И. Толстой так охарактеризовал своё время: «Рядом с занятиями академическими шла параллельно и с

самой откровенной энергией работа политическая: формирование боевых и иных дружин и кружков, широкая пропаганда и, наконец, организация «митингов», причём эти последние стали одним из наиболее характерных и видных явлений в жизни высших учебных заведений, открывших свои стены для поддержки общественного движения и даже, как казалось большинству участников, для руководства им».

И.И. Толстой пытался ввести многообразную образовательную систему, отстаивая «эластичность» типов учебных заведений. Но ни он, ни его преемники не смогли достичь стабильности в управлении образованием, пребывая на министерской должности от нескольких месяцев до двух с половиной лет. И в этой тревожной атмосфере уже идиллическими казались воспоминания об администраторах российского образования из совсем недавнего прошлого — таких, как Евгений Михайлович Феокистов (1828–1898). В Журнале был опубликован пространный некролог, посвящённый Феокистову. Написал его Л.Н. Майков, бывший, как и Е.М. Феокистов, редактором Журнала. Феокистов — выпускник Московского университета времён Т.Н. Грановского — в 1850-е годы вошёл в литературные круги Москвы и Петербурга. Он сдружился с И.С. Тургеневым, о чём свидетельствует их богатая переписка, сошёлся и с одним из издателей «Современника» Иваном Панаевым. Вскоре Феокистов становится сотрудником некрасовского «Современника», а позже — корреспондентом «Московских ведомостей». В 1862 году Е.М. Феокистов, к тому времени уже известный публицист, зачислен на службу в Министерство народного просвещения. Его авторитет растёт, ему поручают министерскую инспекцию в Польшу, откуда он пишет отчёт о тамошних учебных заведениях. Воспользовавшись архивами министерства, Феокистов создаёт монографию о Магницком. В 1871 году министр гр. Д.А. Толстой назначает Феокистова редактором Журнала Министерства Народного Просвещения. Он ценил Феокистова — и Евгений Михайлович оставил редакторский пост, когда граф Д.А. Толстой, ставший министром внутренних дел, призвал любимого сотрудника для работы на ответственном посту начальника Главного управления по делам печати. В 1898 году один из титанов «толстовского классицизма» умер.

В прошлом выпуске нашего путешествия в историю Журнала мы обещали рассказать подробнее о редакторе Журнала и учёном, оставшемся в истории Санкт-Петербургского университета, Василии Григорьевиче Васильевском (1838–1899). Жизненный путь этого человека олицетворял судьбу российского Просвещения в конце XIX века. Он родился в семье сельского священника. В 1860 году окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, а с 1870-го стал профессором в своей альма-матер. В 1872 году появилось одно из важнейших исследований В.Г. Васильевского — «Византия и печенеги». Он первым связал историю печенегов с историей крестовых походов. Василий Григорьевич Васильевский обладал репутацией крупнейшего исследователя Византии (надо ли говорить, насколько важна была эта тема для православной России в эпоху Александра III). В это время в Журнале были опубликованы его статьи «Русско-византийские отрывки» и «Варяго-русская дружина» (1874–1878 гг.). Васильевский по-новому взглянул на историю зарождения российской государственности, изучив её в геополитическом контексте в связи с историей Византии, печенегов, Хазарского каганата, стран Восточной Европы... Васильевский спорит с норманнской теорией возникновения государственности на Руси, не соглашается и с имевшими авторитет в преподавательской практике патриотическими теориями М.В. Ломоносова и Д.И. Иловайского. Он стремится к объективному изучению источников, которые комментирует и издаёт. Так, в 1881 году в Журнале были опубликованы найденные Васильевским «Советы боярина» — памятник литературы XI века. Он публикует и другие источники по истории Византии и России, редактируя с 1894 года «Византийский временник».

В 1890 году В.Г. Васильевский получает звание академика и становится редактором Журнала Министерства Народного Просвещения. Одновременно он продолжал преподавать в университете, создавая научную школу русских историков-византистов. Его собственные сочинения «Законодательство иконоборцев» и «Материалы для внутренней истории визан-

тийского государства» имели важное значение для этой школы.

Он был любимцем студентов. Писатель В.В. Вересаев вспоминал, что когда он был студентом, то «университетской наукой занимался без любви, усердно посещал только Васильевского и Прахова». Этому лектору доверяли и сохраняли благодарность за науку, за умение говорить мотивированно, логично и увлечённо. В «Материалах для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук» о заслугах Васильевского перед исторической наукой сказано: «Хотя в то время уже довольно много говорили о византийском влиянии на ход истории России, но специальное изучение Византии многих пугало отсутствием предварительных работ, критического издания источников и т.п. Византиноведение культивировалось в Петербургском университете В.Г. Васильевским, и только благодаря его трудам стало укореняться убеждение в значении византиноведения как специальной науки». Важность византийского вопроса в российской государственной идеологии и культурном обиходе того времени подтверждается историей русского зодчества, в котором с середины XIX века всё явственнее звучат русско-византийские, а затем и неорусские мотивы (византийский мотив неожиданно зазвучал и в парижской архитектуре, в чертах знаменитого храма Сакре-Кёр, что на Монмартре). Византийские традиции в нашей культуре становились всё более осязаемыми, они окружали человека, образовывали цивилизационное пространство.

Время работы В.Г. Васильевского в Журнале — это становление традиции публиковать самые авторитетные научные исследования. Содержание Журнала, соотношение рубрик практически не изменились по сравнению с предыдущим тридцатилетием. Журнал был выдержан в академически консервативном стиле. По-прежнему основным в Журнале был «Отдел наук», где публиковались самые яркие и содержательные статьи. Несколько сузился первый отдел — «Высочайшие распоряжения». Теперь Журнал публиковал только те царские повеления, которые непосредственно касались жизни Министерства народного просвещения и просветительских учреждений.

* * *

После смерти Василия Григорьевича Васильевского редактором Журнала стал Эрнест Леопольдович Радлов, который до этого был его помощником. Учёный-философ, известный как исследователь Аристотеля (основные работы Радлова — «Этика Аристотеля» (1884) и «Об истолковании Аристотеля» (1891); он окончил филологический факультет Санкт-Петербургского университета, после чего занялся преподавательской деятельностью. Совсем молодым человеком он вошёл в Учёный совет Министерства народного просвещения и стал сотрудником Журнала. Позже успел поучаствовать в налаживании научной жизни в молодой РСФСР, а затем и в Советском Союзе. В 1920 году, ещё до образования СССР, его избирают членом-корреспондентом Академии наук по Отделению русского языка и словесности (философия). Умер Э.Л. Радлов в Ленинграде в 1928 году.

Много лет Эрнест Леопольдович заведовал философским отделением Петербургской публичной библиотеки. В 1917–1924 годах он даже занимал должность её директора. Вместе с Владимиром Соловьёвым, также автором Журнала, Радлов редактировал философский отдел в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (был автором ста десяти статей по истории философии), в 1904 году он — главный редактор «Философского словаря». В после-революционные годы Радлова избирают председателем философского общества при Петроградском университете. Ещё будучи молодым учёным, он перевёл на русский язык «Этику» Аристотеля (1887) — и с того времени радловский перевод выдержал немало переизданий. Под редакцией Радлова вышла на русском языке «Феноменология духа» Гегеля, были опубликованы труды Фихте, Мальбранша и многие другие.

Долгие годы Э.Л. Радлов был одним из ближайших друзей Владимира Сергеевича Соловьёва. Идеи этого яркого, самобытного мыслителя оказали влияние на мировоззрение Радлова. Творчеству Соловьёва Эрнест Леопольдович посвятил несколько трудов, написан-

ных сразу после смерти великого русского философа: «Учение Соловьёва о свободе воли» (1911), «Владимир Соловьёв. Жизнь и учение» (1913). Можно предположить, что преподавательская практика внушила Радлову необходимость заниматься *историей философии*. Начал он, как это и положено, с истоков, с истории античной философии, а позже увлёкся и русской. Необходимость системно изучать историю отечественной философии назрела именно в начале XX века, когда русскими философами было уже немало наработано. Э.Л. Радлов одним из первых систематизировал историю русской философии XIX века, во многом предвосхитив классические ныне капитальные сочинения Н.О. Лосского и В.В. Зеньковского по истории русской философии. Радлов небезосновательно утверждал, что в России философия развивалась прежде всего в университетах. Он утверждал, что подлинную самостоятельность философская мысль в России обрела во второй половине XIX века в трудах Кудрявцева-Платонова, Каринского и Соловьёва. Радлов отмечал, что русская мысль на всех этапах её развития отличалась интересом к этическим проблемам, к мистицизму. «Очерк истории русской философии» Э.Л. Радлова увидел свет в 1912 году.

Сыновья Э.Л. Радлова — Николай и Сергей — вписали свои имена в историю советской культуры. Николай Эрнестович Радлов (1889–1942), искусствовед и художник-карикатурист, сотрудничал с «Крокодилом», работал в «Окнах ТАСС» и иллюстрировал детские журналы «Чиж» и «Ёж». Широко известны и его иллюстрации к произведениям Михаила Зощенко и Ольги Форш. Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958), театральный режиссёр и критик, прославился целым рядом постановок, оставшихся в истории театра. Он работал в Ленинграде и Москве, в русских театрах Риги и Даугавпилса. В двадцатые годы он разрабатывал тему возрождения балаганного театра, театра масок. Его постановка шекспировского «Короля Лира» в Московском еврейском театре (1935 год) на долгие годы стала «визитной карточкой» этого театра и актёра С. Михоэлса. История семьи Радловых, связанная с историей Журнала Министерства народного просвещения, отражает судьбы нашего общества, прошедшего через революции и влившегося в жизнь советского государства. Новая власть тоже нуждалась в Журнале. Но рассказ о его истории после 1917 года — в следующих публикациях. Сейчас в сфере нашего внимания — журнальная эпоха Васильевского и Радлова.

3

Одним из авторов нашего журнала был поэт, педагог и учёный-филолог Иннокентий Фёдорович Анненский. Он открыл русскому читателю мир классической греческой трагедии, сделал талантливые переводы Эсхила, Эврипида. Как известно, Журнал Министерства Народного Просвещения всегда проявлял интерес к классической античности. И переводы трагедий Эврипида, выполненные Анненским (всего он перевёл 19 трагедий), публиковались в Журнале. В сфере его филологических интересов была и молодая русская классика — И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский... Как переводчик и исследователь, он увлекался и европейским (прежде всего — французским) символизмом. При жизни Анненский получил признание как педагог, после смерти — как поэт.

И.Ф. Анненский родился в 1856 году в Омске, где в то время служил его отец. Вскоре семья переехала в Петербург. В 1879 году он оканчивает историко-филологический факультет Петербургского университета, отделение сравнительного языкознания. В том же году началась и его педагогическая деятельность. В гимназиях и на Высших женских курсах он преподаёт древние языки, историю античной литературы и теорию словесности. В 1890 году И.Ф. Анненского назначают директором элитарного учебного заведения, которое располагалось в Киеве и называлось Коллегией Павла Голлогана. Оно соответствовало четырём старшим классам гимназии. С этого времени карьера Анненского продолжается на уровне директорских должностей. В 1893 году его переводят в Петербург, он становится директором 8-й гимназии. В 1896 году Анненского назначают директором Царскосельской гимназии. Десять лет он пребывал на этом посту и стал любимцем гимназистов. В 1905–1906 годах несколько

гимназистов-царскосельцев принимают участие в мятежах. Анненский попытался защитить своих подопечных — его отстраняют от руководства гимназией и назначают инспектором Петербургского учебного округа. Прошение об отставке было удовлетворено за несколько часов до смерти Анненского.

Судьба Иннокентия Фёдоровича Анненского удивительна тем, что его стихи стали особенно сильно манить исследователей своей таинственной силой спустя полвека после смерти автора. Увлечённый античной поэзией, а также поэзией французских символистов, он сумел отразить все свои культурологические впечатления в живой и самобытной работе со стихом. Трудно отнести Анненского к какому-либо литературному направлению (хотя он и считается одной из ключевых фигур русского символизма). Его стиль индивидуален, он исчерпывается творчеством одного Анненского. Многозначительный символизм в каждой строке Анненского соседствует с бытовой подробностью. На его стихах учились, очень многое из них черпали, но повторить Анненского не смог никто. За последние тридцать лет его стихи издавались не раз. Но чтобы читатель сразу прочувствовал дарование его поэзии, я приведу одно из самых характерных стихотворений И.Ф. Анненского — «Невозможно»:

*Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,
Но среди них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, **невозможно**.*

*Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.*

*Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих ве, этих зэ, этих эм
Различить я сумел дуновенья.*

*И, запомнив, невестой в саду
Как в апреле тебя разубрали, —
У разбитой калитки я жду,
Позвонить к сторожам не пора ли.*

*Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но люблю я одно — **невозможно**.*

Эти строки он написал в Царском Селе в 1907 году, продолжая своё педагогическое служение уже после отставки с должности директора гимназии.

В Журнале Министерства Народного Просвещения было напечатано несколько работ Анненского, посвящённых истории античной литературы.

Знаковой личностью для всех русских гимназистов конца XIX — начала XX века был Дмитрий Иловайский — учёный-историк, автор нескольких учебников истории, многократно публиковавшийся в Журнале. Д.И. Иловайский олицетворял гимназическую науку того времени — и имел репутацию консервативного монархиста, за что не раз подвергался насмешкам пародистов. Трудно представить наш журнал начала XX века без Иловайского.

Ещё одно громкое имя из числа авторов Журнала — Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Будущий академик, в 1920-е годы перевернувший с ног на голову едва ли не всю отечественную науку, в 1899 году напечатал в Журнале исследование «Возникновение и расцвет древнегрузинской светской литературы». При желании уже в этой статье можно обнаружить истоки будущего «марризма», ярко отражённого в книге 1924 года «Новое учение о языке». Пройдёт время, и Н.Я. Марр будет всерьёз утверждать, что русский язык ближе к

грузинскому, чем к украинскому (это объяснялось затейливыми виражами в истории классово-борьбы). А в 1899 году лингвист Николай Марр готовился стать профессором Санкт-Петербургского университета. Вместе с М.Н. Покровским и В.Н. Фриче Н.Я. Марр будет творцом новой науки, «железного инвентаря материалистического понимания истории». Разумеется, у этой науки были свои объективные достижения, и Марр, и Покровский были людьми талантливыми, яркими, но всё-таки это был тупиковый путь и для нашей академии, и для нашей идеологии. Со второй половины тридцатых годов, по воле И. В. Сталина, началась ревизия «железного инвентаря». Языковедческие построения Н.Я. Марра рухнули последними — уже после войны, когда в 1950 году в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании». Оппоненты Марра — академики В.В. Виноградов и А.С. Чикобава — стали консультантами Сталина в работе над этой статьёй. Статьи Сталина на всю страну зачитал по радио Левитан. И новые студенты цитировали уже не Марра, а Сталина и Виноградова.

Не забудем, что Н.Я. Марр ещё до революции был учёным с мировым именем: оригинальность его построений привлекала всеобщее внимание. В Журнале была опубликована статья, посвящённая культуре Закавказья. В этой области знаний Марр был подлинным корифеем. Сын грузинки и шотландца, рождённый в Кутаиси, он знал около 60 кавказских диалектов. Он успешно вёл археологические раскопки в Ани — столице средневековой Армении. Фантастические научные изыскания Н.Я. Марра повлияли и на представителей лингвистической школы структуралистов. Но современные исследователи справедливо называют Николая Марра «шаманом от науки». Неоспоримо яркое дарование этого «шамана». В 1990-е годы читающую Россию всколыхнули новые «шаманы от науки» с их иными хронологиями мировой истории и парапсихологическими методиками общения с российскими политиками и историками. В какой-то степени и адепты «новой хронологии» являются фантастами от науки, продолжателями дела Марра, которые нередко используют свои академические регалии, не имеющие отношения к историческим дисциплинам, для эффективного оболванивания публики.

Публиковался в Журнале и подлинный корифей нашей науки, историк литературы и представитель школы сравнительного языкознания, великий русский учёный Алексей Александрович Шахматов (1864–1920). Много в нашей современной науке пошло именно от Шахматова — неутомимого исследователя древнерусской литературы. Им было начато великое дело глубокого изучения русских летописей. Умер он, экс-член ЦК партии кадетов, в 1920 году, оставив многочисленных учеников, а также оригинальные работы, которые публиковались ещё десятилетие...

Сперва — несколько «анкетных» биографических сведений об одном из самых авторитетных наших авторов. Алексей Александрович Шахматов родился в Нарве (ныне — Эстония). Ещё юношей, гимназистом он проявил способности к научной работе. В 17 лет Шахматов написал статью, получившую признание российских и европейских славистов: «К критике древнерусских текстов». В студенческие годы он создаёт классическое «Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV веков» (опубликовано в 1886 году). Выпускник Московского университета, он начинает преподавать в его стенах. В 29 лет Шахматов защищает диссертацию, а в 1899 году становится самым молодым академиком в истории русской филологии. С этого времени Шахматов работает в Петербурге. Главные языковедческие работы Шахматова — «Исследование в области русской фонетики» (1894), «К истории звуков русского языка» (1898), «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915). Применяя свои знания в области диалектологии, изучая фонетику славянских языков, Шахматов сумел восстановить особенности живой древнерусской речи. Ученик Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматов на протяжении многих лет участвовал в подготовке реформы орфографии 1917–1918 годов.

А.А. Шахматов руководил изданием многотомной «Энциклопедии славянской филологии», ставшим огромным событием в европейской научной жизни. Он подготовил к изданию и опубликовал многие памятники древнерусской литературы. После смерти академика Я.К.

Грота (автора многих статей, публиковавшихся в нашем журнале) А.А. Шахматов продолжил работу над академическим Словарём русского языка. Уже после смерти учёного были изданы новые его капитальные труды: «Очерк современного русского литературного языка» (1925) и «Синтаксис русского языка» (1925–1927). В последней работе Шахматов предпринял попытку выявить систему в огромном многообразии синтаксических конструкций нашего языка. В основе выдвинутой им новаторской теории предложения лежит учение о коммуникации. Коммуникация понимается Шахматовым как *особый акт мышления*, который сообщает о состоявшемся сочетании представлений. Словесным выражением единицы мышления является предложение, и именно через предложение реализуется связь языка и мышления. Именно предложение является предметом синтаксиса как особой лингвистической дисциплины.

В Журнале Министерства Народного Просвещения Шахматов в нескольких номерах 1900 года опубликовал свой выдающийся труд — «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». Классическое сочинение Шахматова и сейчас находится в сфере внимания всех исследователей древнерусской литературы и истории России этого периода. Академик Санкт-Петербургской академии наук, А.А. Шахматов считал за честь выступить в Журнале, снискавшем авторитет публикациями крупнейших русских филологов, таких, как Грот и Веселовский.

В своём интересе к русским летописям, к наследию древнерусской литературы Шахматов был не одинок. И его старшие товарищи, и ровесники, и младшие последователи, вдохновлённые успехом первых работ Шахматова, принялись изучать истоки нашей культуры, литературы, истоки нашего языка. Журнал отразил эти направления учёной мысли. Немало работ было посвящено русским древностям. Отметим, например, публиковавшийся в нескольких номерах Журнала в 1893 году труд Ив.Н. Жданова «Василий Буслаевич и Волх Всеславьевич», посвящённый актуальным проблемам русской фольклористики, а именно нашим былинам (старинам). Героический эпос, образы русских богатырей имели важное культуротворческое значение и были очень важны в воспитании патриотических чувств у молодого поколения. На протяжении всего XIX века Россия *обретала* свой эпос, изучая древнерусский язык, осуществляя филологические экспедиции и издания былин. Илья Муромец, Алёша Попович, Добрыня Никитич, Василий Буслаев, Микула Селянинович, Сухман получили известность не только в крестьянской среде, где ещё сохранялись творцы-сказители, но и среди горожан. Подобно тому как античное искусство стало всеобщим культурным достоянием после раскопок в Помпее, привлёкших внимание к греческому классицизму, в России в конце XIX века проснулся интерес к Древней Руси, к её литературе и искусству. Об этих процессах, революционно повлиявших на нашу культуру, пишет художник И.С. Глазунов: «В середине века в Италии было заново открыто искусство древней, но вечно юной Эллады, и это послужило толчком к возрождению заветов антики. В России во второй половине XIX века и на рубеже XX художники вновь окрыли искусство Древней Руси. Его магическая сила, его духовность, удивительная гармония цветовых аккордов, глубоко национальное понимание задач искусства оплодотворили блестящую эпоху русского Возрождения конца XIX — начала XX века, оказавшего, как известно, огромное влияние на западноевропейскую культуру». Это очень верная мысль художника и учёного. И касается она не только живописи. Велик был вклад Журнала Министерства Народного Просвещения в исследовательское открытие Древней Руси. Кроме уже упомянутых нами публикаций, следует отметить также статьи А. Веселовского (о нём — см. нашу статью в «НО», 2002. № 6) «О сравнительном изучении русского эпоса» (1868. № 2), «Мелкие заметки о былинах» (1889. № 5), а также статьи Соболевского «К истории русских былин» (1884. № 7), Шамбинаго «Старины о Святогоре и поэма о Калевипоэга» (1902. № 1), любопытную статью Халанского «К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем» (1903. № 10).

К началу XX века в России было мало научно-популярных изданий. Журнал Министерства Народного Просвещения заполнял эту нишу, будучи весьма авторитетным. Почему Журнал не специализировался на узкопедагогической проблематике? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать российскую культурную традицию. Образование в нашей стране опи-

ралось на просветительскую идеологию, ведущую родословную от М.В. Ломоносова. А эта идеология связана с культом науки, литературы и искусства. Именно в пространстве высоких материй виделось назначение педагога. А потому узкая специализация Журнала противоречила бы российской образовательной стратегии. Просвещение понималось широко — и Журнал этому соответствовал. Не случайно среди его ярчайших публикаций за 1890–1900 годы немного педагогических исследований (в отличие от двухлетнего периода работы К.Д. Ушинского в Журнале). Миссия Журнала — не в публикации педагогических методик, но в проведении широкой просветительской программы, в ходе которой педагоги приобщались к актуальным научным проблемам по гуманитарным, естественным и техническим дисциплинам. Думаю, такая установка разумна и перспективна для нашего времени. Хотя, увы, сейчас идеи *широкого Просвещения* не популярны, в очаровательных фантазиях мы декларируем приверженность узкой специализации, а в действительности практикуем образование бессистемное, воспроизводящее социальную деградацию. Между тем в Журнале публиковались и изыскания по истории и теории педагогики...

С 1910 года, в преддверии 300-летия династии Романовых, отмечавшегося в 1913 году, в отделе высочайших повелений журнала всё чаще и чаще стали появляться указы о присвоении тем или иным учебным заведениям высочайших имён (имён членов императорской и великокняжеских семей). Таким образом в учебных заведениях проводилась идеологическая кампания по повышению авторитета власти. Можно предположить, что, с одной стороны, власти несколько переборщили с использованием этого нехитрого инструмента, с другой — в обществе рождалась привычка к такому поименованию учреждений, укреплённая позднейшей советской практикой. Учреждались и стипендии, посвящённые именам русских монархов прошлых эпох и членов императорской и великокняжеских семей. Журнал был наводнён высочайшими именами...

А с 1914 года, когда Россия вступила в первую мировую войну, Журнал отражал реальности нового, фронтового, времени, с его контрастной сменой настроений — от патриотического порыва первых сражений до горечи поражений и предчувствий катастрофы. Здесь публиковались циркуляры Министерства народного просвещения об учащих-беженцах, об устройстве эвакуированных преподавателей, о бывших учениках австрийских учебных заведений (русская армия воевала на территории Австро-Венгрии). В 1916 году Журнал опубликовал высочайше утверждённое положение Совета министров «О воспрещении преподавания на немецком языке». Это положение подвело итог двухлетнему спору о судьбе немецкого языка в воюющей России. В том же 1916 году вышел и министерский циркуляр «О занятиях по допризывной подготовке». До этого допризывная подготовка велась, и велась блестяще, в кадетских корпусах и иных военных учебных заведениях, не подчинявшихся Министерству народного просвещения. Теперь, с 1916 года, требовалось ввести квалифицированную военную подготовку в гимназиях и школах. Раненые офицеры и унтера, прибывшие с фронта, занялись обучением гимназистов и школьников. 1916 год подарил Российской империи последнюю надежду — и всё-таки фронтовые дела шли не так, как бы это хотелось гимназистам и учителям, воспитанным на примерах Суворова и Скобелева, Петра Великого и героев 1812 года. Журнал отразил попытки правительства укрепить тыл, создать в тылу залог военной победы. История показала, что именно обстановка в тылу не позволила армии разбить противника и спасти разваливавшееся государство. Политические игры и финансовые аферы наших промышленников и банкиров явились предательством собственной армии. Параллельно официальному просвещению, выразителем идей которого был Журнал, укреплялись позиции революционной пропаганды, в которой важная роль уделялась образованию, школе. Значительная часть общества верила в необходимость революции — и наш журнал оказывался в *искусственном положении вне игры*, ибо ему уже не доверяли.

Журнал Министерства Народного Просвещения, как и само министерство, ждали кардинальные перемены, и даже потрясения. Перемены коснутся и названия, и структуры Журнала, но суть останется неизменной. Журнал приходил к учителям, к учёным, к администраторам образования; служил Просвещению нашей страны и был связан с правительственным ведомством, ответственным за просвещение. Перемен и испытаний за двести лет истории Журнала было немало. Но все поколения редакторов и авторов помнили о вечном *зерне* нашего издания. Помнили, что просвещение было и остаётся культуuroобразующим и государствообразующим явлением в России. Помня об этих обстоятельствах, мы продолжим разговор об истории Журнала в следующем номере. Сквозь все катаклизмы традиция просветительства проходила только обогащённой — и мотивы А.А. Шахматова и И.Ф. Анненского, Н.Я. Марра и Э.Л. Радлова нашли продолжение в последующих выпусках Журнала.